

Илья Репин. Автопортрет.

в этом колорите!.. Мне казался он величайшей загадкой, и я так полюбил его". Репин умел восхищаться не только внешними данными природы, но и характером, "который открывался ему во всей своей сути именно в этот краткий период влюбления". Кстати, когда картина была представлена публике, Репина задела статья в "Отечественных записках", рассматривавшая картину как иллюстрацию к "Парадному подъезду" Некрасова. Репин, по его утверждению, ко времени своей поездки на Волгу еще не читал Некрасовской поэмы, и тема "Бурлаков..." возникла у него совершенно независимо. Много лет спустя художник признавался, что вспоминал Канина, когда перед ним "в посконной, пропотелой насквозь рубахе, проходил по борозде с сохой за лошадей Лев Толстой". Лев Толстой на пашне или в своем кабинете в Ясной Поляне, сочиняющий оперу Михаил Глинка, дирижирующий Антон Рубинштейн – все эти необыкновенные люди занимают на картинах Репина

носился к той группе художников, которую он называл "футурней". Эту встречу Чуковский описал в своей книге "Репин. Горький. Маяковский. Брюсов" (1940). "Очень изящно одетый, в белоснежном отложном воротничке, стариковски красивый и благостный" Репин чинно поздоровался и присоединился к слушателям Маяковского, декламирующего свои стихи. Неожиданно для всех с каждой минутой он "восхищался все жарче": "Темперамент, какой темперамент!.. Уж вы на меня не сердитесь, но, честное слово, какой же вы, к чертям, футурист!" А увидев шаржи Маяковского, в том числе и на себя, еще настойчивее высказал то же суждение: "Самый матерый реалист". Репин даже предложил Маяковскому написать его портрет – честь, которой удостоивались немногие. Так, он наотрез отказался писать портрет Достоевского, долго уклонялся от работы с Буниным и Розановым... Но портрет Маяковского Репин так и не написал. Приготовил холст у себя в мастерской, выбрал под-

"Мастерство такое, что не видать мастерства!" – сказал однажды Лев Толстой об одной из картин Ильи Репина. Именно такое мастерство отличало художника, 180-я годовщина со дня рождения которого отмечается 5 августа.

Каждая картина – с «надрывным трудом»

Президентская библиотека – к 180-летию художника Ильи Репина

Галерея образов, созданных Ильей Ефимовичем Репиным, поражает. Это и масштабные композиции – "Бурлаки на Волге", "Запорожцы пишут письмо турецкому султану" и т. д. И картины в духе передвижников – "Отказ от исповеди", "Не ждали" и др. И портретная галерея современников художника – писателей Льва Толстого и Леонида Андреева, актрисы Пелагеи Стрепетовой и композитора Модеста Мусоргского, химика Дмитрия Менделеева и хирурга Николая Пирогова, художника Николая Ге и критика Владимира Стасова.

"Репин – явление поистине огромное, – пишет художник и искусствовед Игорь Грабарь в книге "Репин" (1933) из серии "ЖЗЛ". – Образ Репина является необычайно пеструю картину противоречивых, взаимоисключающих переживаний, ощущений, мыслей и утверждений, приводивших в недоумение, временами в отчаяние его многочисленных биографов... Ни к кому это не применимо в такой степени, как к Репину – человеку только интуитивных импульсов, наделенному от природы бесконечной, редчайшей личной обаятельностью".

Репин обладал удивительным талантом – он умел искренне восхищаться людьми. "Феноменальный юноша", – говорил он о пейзажисте Федоре Васильеве; "чародей, счастливым радостью победы своего гения" – об Архипе Куинджи, "необыкновенный талант" – о Николае Ге. Репин вообще любил в людях талант, слово "бездарность" было в его устах величайшим ругательством. Об этом пишет Корней Чуковский, знавший художника почти четверть века и написавший предисловие к мемуарам Репина "Далекое близкое" (1944). По словам писателя, когда книга готовилась к изданию, у наборщиков не хватало восклицательных знаков, они были чуть не в каждой строке – иногда по три, четыре подряд. А одну из глав книги Илья Ефимович назвал "Мои восторги".

Умение восхищаться чужими талантами сочеталось у Репина, по словам Чуковского, "с величайшей, неестественной скромностью". Художник называл себя "трудолюбивой посредственностью, много натворившей ошибок" и признавался, что в "спорном вопросе о его таланте... сам был в числе не признающих за собой таланта". "Сейчас приезжал ко мне один покупатель, – рассказывал Репин Чуковскому. – Я его отговорил. "Дрянь-картина, не стоит покупать". Он и уехал..."

О своих произведениях художник почти всегда отзывался беспощадно: "Боже мой, какая мерзость, – писал он об одном из ранних своих этюдов. – Особенно этот язык молнии и эта женщина в центре – вот гадость-то!". А о картине

"Бурлаки на Волге" (1870–1873).

"Пушкин на берегу Черного моря", написанной совместно с Айвазовским, сказал так: "Дивное море написал Айвазовский... И я удостоился намалевать там фигурку".

По убеждению Чуковского, "горькое чувство своего неудачничества, своей неталантливости" было связано у Репина с тем, что каждая картина давалась ему с "надрывным трудом", он менял, перекраивал, переиначивал в ней "каждый вершок", предъявляя к себе невыполнимые требования. Репин "замучивал" себя работой до обморока, каждая картина переписывалась им по 10–12 раз. Мастерская художника была заполнена холстами, и, как писал Чуковский, если на каком-либо из них было, скажем, восемь фигур, то на самом деле их было написано "восемьдесят или восемь раз восемьдесят". А в "Черноморской вольнице", в "Чудотворной иконе", в "Пушкине на экзамене" художник переменял такое множество лиц, что их вполне хватило бы, чтобы заселить губернский город.

Репин признавался, что, когда пишет чей-нибудь портрет, он на короткое время влюбляется в этого человека, испытывает "удесятеренное чувство благожелательности к нему и какой-то особенной, почтительной нежности". Вот как художник рассказывал о своей встрече с Каниным, запечатленным в картине "Бурлаки на Волге": "Я иду рядом с Каниным, не спуская с него глаз. И все больше и больше нравится он мне. Я до страсти влюбляюсь во всякую черту его характера и во всякий оттенок его кожи и посконной рубахи. Какая теплота

ходящие кисти и краски и все повторял Маяковскому, что хочет запечатлеть его "вдохновенные волосы". В назначенный час Маяковский явился, но... бритым наголо. Репин был безутешен: "Я хотел изобразить Вас народным трибуном, а Вы..."

Хотя картины и портреты давались Репину ценой величайших усилий, рисовать для него было все равно что дышать. И вряд ли, как писал Корней Чуковский, был на земле человек более счастливым, чем Репин, когда быстро-быстро "лепил карандашом на бумаге рельефы человеческого лица. В это время у него в глазах было такое выражение счастья, будто он всю жизнь того лишь и ждал, чтобы воспроизвести именно это лицо".

Когда с возрастом художник почувствовал, что не может держать кисть правой рукой, он начал учиться писать левой, чтобы ни на минуту не отрываться от живописи. А когда от старческой слабости Илья Ефимович уже не мог держать в руках палитру, он при помощи особых ремней повесил ее, как камень, на шею и работал с этим камнем с утра до ночи...

"Парижское кафе" (1874–1875).

своим обычным делом. Обыденный, прозаический вид имеют и Афанасий Фет, поразивший Репина своей "некрасивостью и правдой", и "желчный старик" Писемский, и изможденный болезнью Мусоргский... "Понять натуру в ее собственной природе, в собственном характере – вот главная задача художника, решение которой определяет всё. Никакой идеализации, никаких поправок, никакой от себя тыны!" – писал о творчестве художника искусствовед Николай Машковец в издании 1943 года "И.Е. Репин: краткий очерк жизни и творчества (1844–1930)".

В 1915 году Корней Чуковский отважился познакомить Маяковского с Репиным, который с "огненной ненавистью от-

Узнать больше о жизни и творчестве русского живописца, профессора, действительного члена Императорской Академии художеств можно благодаря электронной коллекции Президентской библиотеки "И.Е. Репин (1844–1930)". В коллекцию вошли цифровые копии книг, архивных документов, писем и воспоминаний художника, статей из периодических изданий, посвященных его жизни и деятельности, а также фотографии начала XX века, открытки и репродукции картин.

Татьяна НИКИТИНА,
пресс-служба
Президентской библиотеки.